

ББК 63.3(2)63-37

Н.В. Смолина

Жизнь Иркутской епархии в контексте государственно-церковных отношений во второй половине XX в.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, Иркутская епархия.

Key words: Russian Orthodox church, the state-church relations, Irkutsk diocese.

1930-е гг. оказались для Русской православной церкви (РПЦ) временем особо тяжелых испытаний. Это был период крайне воинственного отношения советской власти к Церкви, что было связано с принятием курса ЦК ВКП(б) на свертывание нэпа, коллективизацию, обострение классовых борьбы в социалистическом обществе.

По всей стране шли аресты епископов, рядовых священнослужителей, мирян. Наиболее частыми обвинениями духовенства в те годы были обвинения в «антисоветской пропаганде и агитации», «скрытой контрреволюции», «агитации против мероприятий, проводимых в селе» и пр. Руководил этой антирелигиозной кампанией лично нарком внутренних дел Н.И. Ежов. По данным Комиссии по реабилитации Московской патриархии, к 1941 г. было репрессировано за веру 350 тыс. чел., из них не менее 140 тыс. священнослужителей. Это очень много, если учесть, что в 1914 г. в Российской империи насчитывалось 120 тыс. священнослужителей и псаломщиков, 130 архиереев [1, с. 67, 93]. В ходе террора 1930-х гг. патриаршая церковь как организация была разгромлена. Материальная база Церкви была ликвидирована, в 1935 г. прекратил свое существование временный патриарший Священный Синод, большинство церквей и монастырей было закрыто, большая часть духовенства была уничтожена, в 1939 г. оставалось всего четыре правящих иерарха, в стране не было духовных учебных заведений, церковной прессы.

Великая Отечественная война явилась для Церкви избавлением от угрозы окончательного разрушения. В силу ряда прагматических соображений (необходимость расположить союзников по антигитлеровской коалиции, стремление нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды, патриотическая деятельность патриархии, религиозное возрождение в стране) И. Сталин отказался от массированного наступления на Церковь и пошел ей на некоторые уступки. Церковь получила возможность создать централизованное управление: в сентябре 1943 г. архиерейский собор избрал Московским патриархом митрополита Сергия (Страгородского). При патриархе создавался Священный Синод. Начали открываться и восстанавливаться

храмы, монастыри, молитвенные дома. Была частично восстановлена система духовного образования – к 1946–1947 учебному году в стране действовало две духовные академии и 8 семинарий. У Церкви появилась возможность ограниченной издательской деятельности.

В Иркутской епархии как в зеркале отражались все перипетии государственно-церковных отношений. В первые десятилетия советской власти епархия понесла огромные материальные и людские потери. Так, в 1912 г. в Иркутской епархии насчитывалось 326 церквей, 205 часовен и молитвенных домов, 4 монастыря, служили 283 священника и 77 диаконов [2, с. 49]. Но уже в 1933 г. в Иркутске оставалось всего 19 священников патриаршей церкви и 3 священника обновленческого направления [3, л. 50]. К началу 1940-х гг. все храмы, монастыри, часовни в Иркутской области были закрыты. После ареста архиепископа Иркутского и Верхотурского Павла (Павловского) в сентябре 1937 г. Иркутская епархия оставалась вдовствующей более десяти лет.

В 1940-е гг. перед Московской патриархией остро стояла кадровая проблема. В стране не хватало архиереев, в связи с чем многие епархиальные кафедры оставались незаемещенными. Среди них была и Иркутская, управлявшаяся с 1943 по 1948 г. Новосибирским архиепископом Варфоломеем (Городцовым). В свою очередь, иркутские архиереи с октября 1949 г. являлись временно управляющими Хабаровской епархией, вплоть до принятия 19 июля 1988 г. Постановления Священного Синода о назначении на Хабаровскую и Владивостокскую епархию епископа Гавриила (Стеблоченко). Территория собственно Иркутской епархии в рассматриваемый период включала в себя помимо Иркутской области Читинскую область и Бурятскую АССР (до 21 апреля 1994 г., когда указом Священного Синода была восстановлена Забайкальская епархия, ставшая именоваться Читинской и Забайкальской епархией), Якутскую АССР (до 23 февраля 1993 г., когда было принято решение о возрождении самостоятельной Якутской епархии).

Первоочередную свою задачу православные верующие на этой огромной территории в 1940-е гг. видели в открытии церквей для богослужений. Согласно постановлению СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» верующим необходимо было подать в Иркутский облисполком на имя уполномоченного Совета по делам Русской

православной церкви И.Ф. Голубева ходатайство об открытии церкви, подписанное не менее чем двадцатью совершеннолетними гражданами. После положительного заключения облисполкома материал передавался в Совет по делам Русской православной церкви, который и принимал окончательное решение. Верующие не заставили себя ждать, они начали подавать ходатайства в облисполком по крайней мере с весны 1943 г.

Из 41 первичного заявления, поданного за период с 1943 по 1947 г., решением Совета по делам РПЦ было удовлетворено всего 17, однако фактически в Иркутской области в эти годы открылось только 15 приходов: здания церквей Пресвятой Троицы в Иркутске и Успения Богородицы в селе Барлук общинам для совершения богослужений переданы не были.

Далеко не все ходатайства об открытии церкви были успешными. Большинство из них отклонялось на местном уровне, некоторые ходатайства с положительным заключением облисполкома направлялись в Совет по делам РПЦ, который, в свою очередь, принимал решение о нецелесообразности открытия того или иного прихода.

Местная администрация по-разному относилась к перспективе открытия церкви. Как правило, местные власти пытались предотвратить передачу церкви верующим, ссылаясь на то, что здание занято и освободить его невозможно. Так, активную попытку не допустить открытие церкви Николая Чудотворца на станции Тулун предприняла в 1945 г. председатель тулунского горисполкома Юдина: в церковном здании к этому времени расположилась небольшая швейная мастерская промышленной артели «Парижская коммуна» [4, л. 21]. Тем не менее, уже 23 мая 1945 г. Совет по делам РПЦ принял решение об открытии Никольской церкви. И здесь не последнюю роль сыграло большое количество подписей верующих (73 человека), а также то, что в апреле 1945 г. швейная мастерская временно была выведена из церковного здания, в котором предполагалось произвести ремонт с целью расширения площади для мастерской.

Весьма распространенным явлением в Иркутской области стали задержки передачи верующим храмов,

решение об открытии которых уже было принято в Москве. Согласно инструкции Совета по делам РПЦ от 5 февраля 1944 г., после получения разрешения Совета об открытии церкви уполномоченный должен был зарегистрировать общину и в трехдневный срок выслать в райисполком распоряжение о заключении с верующими договора, который было необходимо оформить в течение семи дней. На практике эти сроки постоянно затягивались, скорее из-за нежелания местной администрации идти навстречу верующим, чем из-за реальной невозможности освободить церковное здание. При передаче здания церкви заключался договор о предоставлении его верующим в бессрочное бесплатное пользование. Договор подписывали уполномоченный от верующих и представитель местной администрации. Верующим разрешалось пользоваться зданием только для богослужебных целей и организации приходских собраний. Итак, в 1943–1947 гг. в Иркутской области было открыто 15 приходов (табл.). Из них в 1956 г. была закрыта Петропавловская церковь в с. Буря, а в 1961 г. Воскресенская церковь в с. Верхоленске. Закрытие приходов в Иркутской епархии происходило в контексте общего ужесточения государственной политики относительно Русской православной церкви.

Уже в 1959 г. закрытие церковью приобрело массовый характер, а постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» значительно облегчило эту процедуру. Отныне решения о закрытии православных храмов и снятии с регистрации религиозных объединений принимались не на центральном, а на местном уровне по согласованию с Советом по делам РПЦ при СМ СССР [5, л. 40]. По состоянию на 1958 г. в Иркутской епархии действовало 20 официально зарегистрированных православных приходов: 14 храмов в Иркутской области, по 2 церкви в Читинской области, Бурятской и Якутской АССР.

Для управления приходами епархии 3 июня 1948 г. на Иркутскую кафедру был назначен епископ Ювеналий (Килин). Всего в рассматриваемый период в Иркутской епархии сменилось восемь архиереев. В то время активно практиковался частый перевод

Динамика подачи ходатайств об открытии церквей в Иркутской области

Год	Количество заявлений об открытии церквей	Из них первичных заявлений	Из них вторичных
1943–1944	8	8	–
1945	21	16	5
1946	18	10	8
1947	10	7	3
Всего	57	41	16

епископов с кафедры на кафедру, что в определенной степени позволяло светской власти контролировать деятельность архиереев, отправляя неугодных и непокорных в отдаленные епархии. Но хотя Иркутская епархия была одной из самых восточных в СССР, архиереи не задерживались и здесь.

Из иркутских архипастырей только трое занимали кафедру более пяти лет, после чего были переведены в центральные или западные епархии СССР. Это были архиепископы: Палладий (Шерстенников), который управлял с 1949 по 1958 г. и был направлен в Саратовскую епархию; Вениамин (Новицкий), занимавший кафедру с 1958 по 1973 г. и переведенный в Чебоксарскую епархию; Хризостом (Мартишкин), возглавлявший Иркутскую епархию с 1984 по 1990 г. и переведенный в Виленскую епархию.

Пять лет, с 1975 по 1980 г., управлял епархией архиепископ Серапион (Фадеев), остальные архиереи не задерживались в епархии более чем на три года: архиепископы Ювеналий (Килин) – с 1948 по 1949 г.; Владимир (Котляров) – с 1973 по 1975 г.; епископ Мефодий (Немцов) – с 1980 по 1982 г.; архиепископ Ювеналий (Тарасов) – с 1982 по 1984 г.

Архиереям Иркутской епархии приходилось решать множество проблем церковной жизни, одной из которых была нехватка священно- и церковнослужителей. Так, в 1940-е гг. в епархии пришлось практически с нуля формировать штат приходского духовенства. Основным резервом пополнения кадров духовенства в Иркутской епархии стали клирики, вынужденные прекратить служение в период массового закрытия церквей и репрессий за веру. Коренных иркутян среди них было меньшинство.

Большую часть духовенства области составляли люди или оказавшиеся здесь в ходе репрессий, или переселившиеся в Сибирь добровольно с целью скрыть свое прошлое. На протяжении 1940–1950-х гг. в Иркутской епархии стабильным оставался высокий удельный вес репрессированного духовенства – около 45% от общего числа. На рубеже 1960–1970-х гг. этот показатель снижается до 30–32%, что объясняется естественной убылью старшего поколения священнослужителей и выходом на сцену нового поколения, не подвергавшегося сталинским репрессиям.

Многих репрессированных священников, решивших возобновить служение в 1940-е гг., подстерегали различные трудности. Например, по назначении священника на приход и регистрации у уполномоченного комендатура, в которой священник стоял на учете как спецпереселенец, могла не дать разрешения на переезд к месту служения. Такая ситуация сложилась со священником Иоанном Фокиным, назначенным в 1945 г. в Никольскую церковь г. Зима. Решить эту проблему помог уполномоченный Совета И.Ф. Голубев [6, л. 97]. Случалось и такое, что священнику отказывали в праве жить в том или ином городе, как это было с

возвратившимся в Иркутск в 1943 г. из ссылки протоиереем Николаем Пономаревым. Как только он решил начать служение в Крестовоздвиженской церкви, то был лишен права проживания в Иркутске как в городе режимном. Полтора месяца потребовалось о. Николаю, чтобы при помощи патриарха Сергия добиться разрешения вернуться в Иркутск и приступить к служению [7, л. 16].

В 1940-е гг. духовенство пополнялось также за счет священнослужителей, перешедших в патриаршую церковь из обновленчества, которое после встречи И. Сталина с церковным руководством 4 сентября 1943 г. и избрания митрополита Сергия патриархом переживало острый кризис.

Следующим источником пополнения духовенства было рукоположение мирян, многие из которых активно участвовали в церковной жизни еще до революции, а также в 1920–30-е гг. Общее количество священнослужителей епархии напрямую зависело от количества действующих приходов. Так, в 1954 г. в 14 церквях Иркутской области служили 29 человек (22 священника и 7 диаконов), в 1958 г. – 31 человек, в 1969 г. – 22 человека, в 1985 г. – 23 человека [8, л. 1]. Таким образом, количество православных священнослужителей Иркутской области в 1940–1980-х гг. оставалось примерно одинаковым: от 20 до 30 человек. При этом не только в сельских, но и во многих городских храмах Иркутской области служило по одному священнику. Как видно, священнослужителей явно не хватало. Уполномоченные Совета по делам РПЦ (с 1965 г. – Совета по делам религий), пользуясь своим правом регистрации духовенства, не допускали его заметного количественного роста.

Уровень образования духовенства был ниже среднего, но тому были объективные причины. Если старшее поколение священников успело получить духовное образование до революции и в 1920-е гг., то молодежь была практически лишена этой возможности. О многом говорят следующие цифры: в 1914 г. в Российской империи действовало 57 духовных учебных заведений, закрытых в 1920-е гг. [9, с. 127]. После 1943 г. было открыто всего две духовные академии и 8 семинарий.

В 1970 г. из 18 штатных священников Иркутской области высшее духовное образование имели только двое, среднее – пятеро. Обучались заочно в семинарии 6 человек, в академии – 2 человека. В 1985 г. из 18 священников области высшее духовное образование имели по-прежнему только два человека, среднее – 7, обучалось заочно в академии 2 человека, в семинарии – тоже 2 [10, л. 2].

Таким образом, государственная политика по отношению к Церкви, географическое положение Иркутской епархии во многом определили социальный облик местного православного духовенства. Впервые, оно было малочисленным – в силу малого

количества храмов в епархии. Во-вторых, вплоть до рубежа 1960–1970-х гг. высоким оставался процент репрессированных священнослужителей. Низкий образовательный уровень духовенства в самой восточной епархии страны оставался острой проблемой на протяжении второй половины XX в. Духовенство Иркутской епархии формировалось в основном за счет приезжего населения – ссыльных, спецпереселенцев, а с 1960-х гг. – жителей центральных и западных областей СССР. В судьбах православного духовенства Иркутской епархии в полной мере отразились отношения Советского государства и Русской православной церкви, полные драматизма и противоречий.

Среди верующих Иркутской епархии в рассматриваемый период преобладали женщины, что соответствовало общероссийской тенденции, они составляли от 60 до 90%. Например, в 1971 г. в состав «двадцатки» Знаменского кафедрального собора входило 90% женщин [11, л. 99]. Церковный актив по преимуществу составляли люди в возрасте 50–70 лет. По социальному происхождению большинство этих людей – рабочие и крестьяне. А по роду деятельности основная масса – пенсионеры, домохозяйки, некоторые были рабочими, еще реже – служащими. Молодежи среди активных прихожан было очень мало. Например, об открытии Никольской церкви на ст. Тулун ходатайствовали 73 человека, из них только пятеро молодых – от 18 до 25 лет. Среди 36 верующих, готовых принять здание Знаменской церкви в Иркутске под свое поручительство, был только один молодой человек 20 лет [4, л. 17]. Это объясняется не только меньшей религиозностью молодежи по сравнению со старшим поколением, но и контролем со стороны партийных и советских органов за составом прихожан.

Деятельность Церкви в рассматриваемый период регулировалась Положением об управлении Русской православной церкви, принятым на Поместном соборе 31 января 1945 г. Высшая церковная власть, как утверждалось в Постановлении, принадлежала Поместному собору, Церковь возглавлялась патриархом, при котором действовал Синод. Приходская община – добровольное объединение православных граждан в количестве не менее двадцати человек, возглавлялась настоятелем, назначаемым епархиальным архиереем. На общеприходском собрании избирался исполнительный орган – церковный совет и ревизионная комиссия. Настоятель прихода в силу своей должности был председателем церковного совета. В круг обязанностей последнего входила административно-хозяйственная деятельность прихода. Все приходские средства находились в ведении церковного совета, ревизионная комиссия контролировала их расходование. Положение, разработанное при непосредственном участии Совета по делам Русской православной церкви, превращало Церковь в строго централизованную и, как следствие, легко контролируемую структуру. Вместе

с тем оно способствовало укреплению материальной базы Церкви.

В ходе общего ужесточения государственной религиозной политики весной 1961 г. советским правительством была навязана реформа приходского управления. 18 апреля Священный Синод под давлением Совета по делам РПЦ принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни и по приведению его в соответствие с гражданским законодательством». Созванный 18 июля 1961 г. Архиерейский собор одобрил это постановление, согласно которому делами прихода отныне управляли два органа: распорядительный (церковноприходское собрание членов двадцатки) и исполнительный (церковноприходский совет). Последний должен был состоять из выбираемых старосты, помощника старосты и казначея прихода. Избиралась также ревизионная комиссия из трех человек для наблюдения за состоянием церковного имущества. Комиссия должна была осуществлять поквартальную ревизию и в случае обнаружения злоупотреблений доносить эти сведения до местных горсоветов и сельсоветов. Настоятель церкви, согласно этому постановлению, устранялся от управления приходом, вся административно-хозяйственная деятельность переходила теперь к старосте прихода. Настоятелю же разрешалось духовное руководство прихожанами, надзор за дисциплиной и за благолепием богослужения в храме [12, с. 287]. Власть приходских старост чрезвычайно усилилась, вследствие чего они могли даже «смещать» неугодных им священников. Все это порождало острые конфликтные ситуации в приходах.

Несмотря на одобрение Архиерейским собором, реформа не была однозначно воспринята иерархами Русской православной церкви. Одним из активных противников реформы был архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий). Летом 1965 г. он совместно с группой архиереев подписал Заявление на имя патриарха Алексия I, составленное архиепископом Калужским Ермогеном (Голубевым). Документ содержал критику реформы приходского управления и предложение внести поправки в «Положение об управлении Русской православной церкви», которые позволили бы настоятелям входить в состав приходских собраний.

По замечанию историка Церкви протоиерея В. Цыпина, «особенно острым местом “Заявления” было указание на то, что юридические акты, на основании которых власти заставили Архиерейский собор изменить порядок приходского управления, были изданы до Конституции 1936 г. и вошли в противоречие с теми ее статьями, которые декларировали равноправие всех граждан СССР, не делая при этом исключения для священнослужителей» [13, с. 410].

В 1970 г. владыка Вениамин направил в адрес комиссии, осуществлявшей работу по подготовке к

Поместному собору, заявление, в котором вновь предлагал пересмотреть порядок приходского управления, сложившийся с 1961 г. Архиепископ Вениамин считал, что необходимо наделить приходское духовенство правом входить в двадцатку и подписывать соглашения, избираться в приходской совет. Он настаивал на том, чтобы приходской совет отчитывался о своей деятельности перед общим собранием прихожан и настоятелем.

В период подготовки к Поместному собору 1971 г. уполномоченный В.Ф. Коростелев информировал Совет по делам религий об отношении архиепископа Вениамина к реформе приходского управления, провел с архиереем беседу, целью которой было склонить последнего к принятию этой реформы. Однако владыка Вениамин так и не отступил от своих взглядов, хотя на Поместном соборе он уже не вступал в дискуссии по поводу необходимости отмены реформы. Твердая позиция архиепископа Вениамина совершенно не устраивала уполномоченного по Иркутской области В.Ф. Коростелева, который уже в начале 1972 г. поднял перед Советом по делам религий вопрос о замене Вениамина на более покладистого архиерея [10, л. 41].

Порядок управления приходами, принятый в 1961 г., был отменен на Поместном соборе, состоявшемся 6–9 июня 1988 г., который утвердил

новый Устав Русской православной церкви, восстановивший хозяйственно-административные права настоятеля прихода.

Итак, в 1940–1980-х гг. Иркутская епархия являлась одной из самых восточных епархий, охватывая территорию Иркутской и Читинской областей, Якутской и Бурятской автономных республик. Иркутские архиереи также являлись временно управляющими Хабаровской епархией. Однако на этих огромных просторах действовало лишь несколько десятков церквей, что являлось прямым следствием государственной политики по ограничению влияния Русской православной церкви в обществе и искоренению религиозного мировоззрения из сознания советских граждан.

Архиереи, возглавлявшие епархию в данный период, зарекомендовали себя активными церковными деятелями и руководителями, однако их деятельность зачастую встречала сопротивление власти. В Иркутской епархии как в зеркале отразились перипетии государственно-церковных отношений второй половины XX в., однако церковная жизнь епархии имела и свою специфику: малое количество приходов и духовенства, его низкий образовательный уровень, что можно объяснить удаленностью епархии и относительно слабой религиозной активностью населения.

Библиографический список

1. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. – М., 2005.
2. Новикова, Т.М. Взаимоотношения Русской Православной церкви в годы гражданской войны в Восточной Сибири / Т.М. Новикова // Церковь и государство: история и современность : материалы научной конференции. – Иркутск, 2005.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. Р-600. – Оп. 1. – Д. 947.
4. ГАИО. – Ф. Р-2951. – Оп. 1. – Д. 13.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. – Ф. 5397. – Оп. 5. – Д. 15.
6. ГАИО. – Ф. Р-2951. – Оп. 1. – Д. 7.
7. ГАИО. – Ф. Р-2951. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Архив отдела этноконфессиональных отношений Управления губернатора Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям. – Оп. 2. – Д. 3.
9. Маслова, И.И. Советское государство и Русская Православная Церковь: политика сдерживания (1964–1984) / И.И. Маслова. – М., 2005.
10. Архив отдела этноконфессиональных отношений Управления губернатора Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям. – Оп. 2. – Д. 5.
11. ГАИО. – Ф. Р-2951. – Оп. 1. – Д. 31.
12. Журавский, А.В. Приход в Русской Православной Церкви. XX в. / А.В. Журавский // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000.
13. Цыпин В. (прот.) История Русской Церкви. 1917–1997 / В. Цыпин (прот.) // История Русской церкви : в 9 т. – М., 1997. – Т. 9.